

О СПЕЦИФИКЕ СОВРЕМЕННОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ СИТУАЦИИ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ КОЧЕВЫХ ОБЩЕСТВ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Аннотация: В настоящее время кочевниковедение, связанное с изучением восточноазиатских кочевников, переживает очень серьезный кризис, нашедший особо болезненное отражение в работе над письменными источниками и в фактическом отсутствии действенной и научной методологии. В отечественном изучении восточноазиатских кочевников в последние десятилетия оказались прерванными сложившиеся с XIX в. традиционные линии. Одна линия была связана с переводами средневековых текстов на русский язык. Вторая – была ориентирована на тщательную разработку какого-то одного источника. Эти направления не только заложили источниковедческую и историографическую базу отечественного кочевниковедения, но и позволили ему во многом сравняться с зарубежной историографией. Уход марксизма создал своеобразную историографическую яму в кочевниковедении, в которую тут же пришли более мелкие идеологемы Сибири, Монголии, восточноазиатская историография. Благодаря деятельности ряда отечественных исследователей шло активное заимствование представлений западных ученых. Недостаточность теоретизирования в востоковедении требует не только реконструкции истории, но и ее углубленного анализа с помощью тех или иных старых и новых тем и методологических формул и концепций. Они уже обозначаются. Характер развития кочевниковедения на данном этапе и специфика вновь поднимаемых необходимых и перспективных в научном отношении тем позволяют говорить о необходимости признания нового подхода к истории кочевников, основные контуры которого уже складываются. Этот подход должен быть научным, а не идеологическим, апофатическим или отрицающим, когда исследователь максимально дистанцируется от оседлоцентризма, номадоцентризма, европоцентризма, азиациентризма, китаецентризма, дихотомийного принципа: оседлые – кочевые, Восток – Запад, Китай – кочевники, богатые – бедные, прогресс – регресс, положительное значение (роль) – отрицательное. В то же время, объяснять историю кочевников с помощью терминологии, разработанной на материале западноевропейской истории не только возможно, но и неизбежно. При этом надо учитывать те опасности, которые таит в себе компаративистский подход. Мы можем сравнивать какие-либо процессы в Европе и в Восточной Азии, но обязаны исходить из того, что в обеих зонах наблюдается примерно одинаковый уровень цивилизационного развития.

Ключевые слова: кочевники, кидани, чжурчжэни, монголы, методология, Восточная Азия, история, историография.

PIKOV G. G.

ABOUT THE SPECIFICS MODERN RESEARCH SITUATION IN THE STUDY OF NOMADIC SOCIETIES EAST ASIA IN THE MIDDLE AGES

Abstract: At present, the nomadic studies related to the study of East Asian nomads are undergoing a very serious crisis, which is particularly painfully reflected in the work on written sources and in the actual absence of an effective and scientific methodology. In the national study of Asian nomads in the last decades were interrupted in the established since the nineteenth century the traditional line. One line was connected with translations of medieval texts into Russian. The second line was focused on the careful development of one source. These directions not only laid the source and

historiographical base of the national nomadic studies, but also allowed him to compare with foreign historiography. The departure of Marxism created a kind of historiographical pit in nomadic studies, which immediately came smaller ideologems of Siberia, Mongolia, East Asian historiography. Thanks to the activities of a number of domestic researchers was actively borrowing ideas of Western scientists. The insufficiency of theorizing in Oriental studies requires not only the reconstruction of history, but also its in-depth analysis with the help of various old and new topics and methodological formulas and concepts. They're already being marked. The nature of the development of nomadic studies at this stage and the specificity of the newly raised necessary and promising scientific topics suggest the need to recognize a new approach to the history of nomads, the main contours of which are already emerging. This approach should be scientific, not ideological, and apophatic negation, when the researcher maximum distans from setldicism, nomadicism, Eurocentrism, asiacentrism, Sinocentrism, dichotomizing principle: sedentary – nomadic, East – West, China – nomads, rich – poor, progress – regression, a positive value (role) – negative. At the same time, it is not only possible, but also inevitable, to explain the history of nomads with the help of terminology developed on the material of Western European history. At the same time, we must take into account the dangerous inherent in the comparative approach. We can compare any processes in Europe and in East Asia, but we must proceed from the fact that in both zones there is approximately the same level of civilizational development.

Key words: nomads, Chitans, Jurchen, Mongols, methodology, East Asia, history, historiography.

В настоящее время в кочевниковедении сложилась непростая исследовательская и информационная ситуация, характерная не только для России, но и других стран. Как все сферы исторического знания оно вызывает огромный и неподдельный интерес, к тому же продиктованный не только политическим заказом или конъюнктурой клановых интересов, а искренним стремлением самых широких слоев населения узнать историческую правду о предках современных евразийских народов. Усилилось влияние некоторых восточных стран на мировую экономику и историю отдельных регионов, и там оживилось то, что можно назвать этническим ренессансом, в рамках которого предпринимается попытка утвердить собственный взгляд на отечественную историю. Следовательно, расширяется исследовательская сфера, часто смыкающаяся с публицистикой. Накоплен новый археологический материал, достигнуты определенные успехи в филологии, антропологии и этнографии. Труды отдельных западных и отечественных востоковедов привлекли внимание к конкретным народам, к их истории и характеру взаимоотношений. В результате конкретная история реконструирована до мелочей. В прошлом веке ее научно обработали и пропустили через марксизм, европоцентризм, оседлоцентризм, китаецентризм.

История кочевников и их государственности в особенности актуальна для нашей страны, Китая и Монголии, поскольку кочевники жили и продолжают жить в них. Есть они и в новых центральноазиатских государствах. В целом они составляют большую часть тюрко-монгольского мира.

В то же время кочевниковедение, по крайней мере, связанное с изучением восточноазиатских кочевников, переживает очень серьезный кризис.

В отечественном изучении восточноазиатских кочевников в последние десятилетия оказались прерванными сложившиеся с XIX в. традиционные линии. Одна линия была связана с переводами средневековых текстов на русский язык. Особенно ярко она представлена трудами Н. Я. Бичурина, С. А. Козина, В. С. Таскина, Н. Ц. Мункуева. Именно эти переводы являются основной источ-

никовой базой для подавляющего большинства исследователей, которые не могут по тем или иным причинам работать с оригиналами. Они сделаны на высочайшем профессиональном уровне и, тем не менее, не лишены некоторых мелких недостатков. В. С. Таскин [3, с. 6] впервые в новейшей отечественной науке раскрывает содержание, композиционное построение и историю создания основных источников по истории империи Ляо – «Цидань го чжи» и «Ляо ши» и сделал попытки раскрыть на основе этих источников важные аспекты истории киданьского государства. Им был осуществлен и полный перевод «Цидань го чжи», а также целого ряда отрывков из различных китайских источников, в которых даются сведения о кочевых народах группы дунху, в том числе и о киданях. В итоге этот текст оказался очень востребованным не только специалистами и стал, в то же время, мощной основой для стимулирования исследований в области не только киданеведения, но и нomaдологии в целом. Ссылки на источники и труды отечественных и зарубежных исследователей позволяют судить о широком научном кругозоре автора.

Работы В. С. Таскина и других отечественных авторов (А. Г. Малявкин, В. Е. Ларичев, М. В. Воробьев) являются свидетельством того, что в изучении дальневосточных государственных образований в целом и киданей в частности начался новый этап. Если раньше писались общие истории киданей, в которых социально-экономические аспекты занимали второстепенное место, то теперь именно они стали выдвигаться на первое место.

Работа над совершенствованием этих переводов и, главное, над переводами других текстов, несомненно, должна продолжаться, а переводить предстоит очень и очень многое. Достаточно напомнить, что до сих пор не существует достойных и полных переводов на русский язык даже династийных историй, являющихся методологическим фундаментом корпуса восточноазиатских исторических сочинений.

Вторая линия, тоже блестяще представленная в отечественном кочевниковедении, была ориентирована на тщательную разработку одного какого-то источника, как правило, занимающего центральное положение в определенной области. Эта традиция была заложена еще членами Российской духовной миссии в Пекине, продолжена Н. Я. Бичуриным, В. П. Васильевым и его школой. Блестящий анализ информации из «Ляо ши» («История династии Ляо») осуществил в позапрошлом веке М. Н. Суровцов, создавший первый в нашей стране монгографический очерк истории киданей. Огромной популярностью в нашей стране пользуется совместный труд К. А. Виттфогеля и Фэн Цзяшэна, которые перевели отрывки из «Ляо ши» на современный английский язык для реконструкции некоторых аспектов истории и культуры киданей. Отечественные исследователи, в частности В. С. Таскин, не рискнули работать в этом ключе со средневековым китайским языком, и на долгие десятилетия книга этих авторов стала «библией» киданеведения.

Была достаточно развита и такая крайне необходимая для исследователей третья линия, в рамках которой создавались обобщающие труды по истории отдельных кочевых народов или территорий, опиравшиеся на самостоятельное и глубокое изучение оригинальных источников. Помимо Н. Я. Бичурина или В. П. Васильева, здесь необходимо, разумеется, упомянуть работы Н. В. Кюнера, и особенно Е. И. Кычанова [4], А. Г. Малявкина и М. В. Воробьева [1, с. 2].

Последний создал уникальные по информативности и глубине исследования работы по истории чжурчжэней и их государства Цзинь.

Все эти направления не только заложили источниковедческую и историографическую базу отечественного кочевниковедения, но и позволили ему во многом сравняться с зарубежной историографией. А в мировом кочевниковедении в XX в. постепенно сформировался объемный корпус исследований, посвященных истории отдельных кочевых народов, в том числе киданей, чжурчжэней и монголов. Появилась необходимость заново перевести источники (Штейн перевел на фр. яз. «Ляо ши») и аналитические исследования (Виттфогель, Фэн Цзяшэн). Этому способствовало широкое распространение цивилизационного подхода и методологии системного анализа. Однако разочарование в идеологиях и отказ от них, внедрение в историческую науку позитивистской методологии, коммерциализация исторической науки сдерживали этот процесс.

Сказался и другой фактор. Для российской и советской историографии долгое время было характерно стремление расколоть сложившееся в китайской исторической науке представление о единстве дальневосточной цивилизации, чтобы затруднить ее новое (уже после маньчжуров) объединение под эгидой китайцев или японцев. Здесь сказалось и соперничество двух супердержав, одинаково претендующих на необъятные просторы немусульманской («желтой») Азии. Это позволяло обратить дополнительное внимание на историю и культуру северных народов, однако для адекватной картины не хватало более взвешенной и научной оценки взаимоотношений этих народов с Китаем. Последнее является одной из насущных исследовательских задач в настоящее время.

В настоящее время чаще всего происходит сравнение цивилизаций (сравнительно-цивилизационный подход), однако постепенно выявляется потребность перехода на второй уровень, для адекватного понимания и оценки цивилизационной специфики и роли всех народов, их креативной роли (не количественное измерение, а глубина). Критерий – неспособность народа к захвату территории (пространства) или длительность его существования (время), а обустройство мира.

Уход марксизма создал своеобразную историографическую яму в кочевниковедении, в которую тут же пришли более мелкие идеологемы Сибири, Монголии, восточноазиатская историография. Благодаря деятельности ряда отечественных исследователей, например, Н. Н. Крадина, шло активное заимствование представлений западных ученых. Последнее стало одной из составляющих вестернизации, идущей в стране. Ей в определенной степени скрыто противостояла истернизация, что проявлялось в усилении контактов с исследователями Монголии, Китая, публикации их работ. Происходило заметное накопление археологического материала. В итоге стала заметно усиливаться аналитически-обобщающая составляющая кочевниковедения. Однако обратной ее стороной стала своего рода какофония историографий. Изучение кочевников все еще идет в рамках прочтения их истории европейцами XIII в., хотя и в новой форме, с иной риторикой, с подбором большого количества тенденциозно подобранных фактов. Если в эпоху «монгольских ураганов» XIII–XIV вв. под негативное отношение к кочевникам были подведены европоцентризм, христианство и прагматизм нарождающегося буржуазного

мировосприятия, то сейчас таким «фундаментом» становятся «общечеловеческие ценности», к тому же осмысленные «гуманистически». Характерно представление о единой истории человечества, где главной становится идея прогресса, а кочевники являют собой яркий пример регрессивного развития (акцент на критериях именно оседлой цивилизации: наличие религии, философии, литературы, материальной культуры. Обосновывается это и с помощью науки, а не религии, как прежде, выводы выглядят научно, а тенденциозность их не очевидна. Кочевой цивилизации больше не существует, отдельные отряды сохранившихся кочевников не в счет, возражать некому. Наличие такого рода подходов и их наукообразность есть не результат излишней идеологизации или депрофессионализации исследователей, а продолжение традиционного многовекового информационного противостояния оседлых и кочевых народов. Налицо сохранение «черной легенды», но раскрашенной во все цвета радуги. Это одна из болевых точек, как науки, так и общечеловеческой культуры. Думается, что одна из основных задач науки сейчас не возвеличивание кочевников, а показ их как части человечества, а не генетического мусора, изучение механизмов функционирования их уникальной цивилизации, впрочем, не более уникальной, чем любая другая. Кочевники не «братья наши меньшие», а иные, вероятно, максимально иные по сравнению с «правильной культурой» Европы или оседлого Востока. Сейчас на основе достигнутых историей успехов фактически создается новая классификация народов. Если удастся доказать, что у тюрко-монгольского мира не было «истории», то нетрудно будет утверждать, что у него нет ни настоящего, ни перспективного будущего. Наносится квалифицированный информационный удар по исторической памяти этого мира. Накопление археологического, исторического и историографического материала случайным не бывает. Прежние методологии (христианство, марксизм) уже не играют былой роли, но сохраняются европоцентризм и оседлоцентризм, и это они осуществляют новое наступление.

Недостаточность теоретизирования в востоковедении требует не только реконструкции истории, но и ее углубленного анализа с помощью тех или иных старых и новых тем и методологических формул и концепций. Они уже обозначаются.

Важной темой снова становятся, этнические передвижения. Они всегда были в центре внимания культур и народов. В историографии однако, как справедливо отметил один из пионеров идеи кочевой цивилизации в нашей стране А. И. Мартынов, взаимоотношения обществ оседлых цивилизаций и степной Евразии все еще не рассматривались как система отношений двух параллельно развивающихся миров, и это связано с тем, что оседлые общества – явление историческое, а степная Евразия, прежде всего, археологическое, добавим, и филологическое, т. е. описываемое все еще достаточно тенденциозно, в значительной степени на основе тех оценок, которые давали современники кочевой цивилизации.

В научной историографии, по понятным причинам, не только утвердилось и широко тиражируется мнение о драматическом противостоянии оседлых и кочевых народов в целом и Степи и Китая, Руси и степняков в частности.

Долгие века оседлые народы медленно продвигались на кочевые земли. Они – «бесплодны» и «бесхозны», но и кочевникам нечего делать на улицах Пекина или

Шанхая. А в средние века речь никогда не шла о завоеваниях, а лишь об обмене ударами. И кочевники вспоминают об этом с легким сердцем, а оседлые твердят о «бандитизме» «варваров».

В традиционном обществе широко представлен милитаризм, который, однако, двоеушен. Исторический материал явственно демонстрирует, что везде он используется, прежде всего, для выполнения полицейских функций и обороны. Однако в оседлых государствах он становится еще и основой территориальной экспансии, целью которой является решение проблем, возникающих из-за недостатка пригодных земель и перенаселения. Именно в оседлых государствах формируется регулярная и огромная армия.

Этим занимаются все оседлые народы Евразии, и лишь Европа, помимо широкомасштабных попыток захватить чужие земли (Крестовые походы, Великие географические открытия, Тридцатилетняя война как передел Европы) еще идет и по пути «капитализма». Эффект этого проекта был значительно усилен за счет того, что европейцы получили огромные «свободные» территории в Америках.

Для восточноазиатских кочевников главным «агрессором» в это время были китайские династии. Одним из видов продвижения оседлых государств на север стало создание «серой зоны». На границах миров селятся и кочевники, и крестьяне, растут города. На юге киданьской империи Ляо живут «хань эр» (китаизированные) и собственно китайцы.

Гибель империи Ляо в первой четверти XII в. в значительной степени была результатом натравливания на киданей их полуоседлых восточных соседей – чжурчжэней. Новая Золотая (Цзинь) империя, подчинившая основную территорию киданьского государства (кроме западных и северных районов), получила земли, на которых проживало большое количество кочевников. На них уже были созданы политические и хозяйственные механизмы, регулировавшие взаимоотношение сложных и, казалось бы, несовместимых экономик – кочевой и оседлой. В Ляо на практике проводилась политика «одно государство – две экономики». Однако если киданьское государство было формой управления, прежде всего, кочевниками, то чжурчжэньская «химера», по сути, стала формой и средством экспансии оседлого мира на кочевую территорию. Поскольку на землях новой империи продолжало проживать преимущественно кочевое и полукочевое население, она вынуждена была проводить самостоятельную политику, и не стала новой китайской династией. Таковой она будет объявлена вкуче с киданьской империей Ляо и монгольской империей Юань лишь в XIII в.

Все же *de facto* в интересах оседлой зоны это государство пыталось подчинить себе другие монгольские районы. Цзинь была вынуждена проводить несколько иную политику в Степи, чем киданьская империя Ляо. Чжурчжэни были выходцами с самой восточной окраины кочевого мира и фактически принадлежали к иной племенной и языковой группе. Им еще предстояло доказать свое право возглавить кочевой восточноазиатский мир. К тому же они по сравнению с киданями гораздо глубже вошли в пределы оседлой зоны Восточной Азии и все их внимание так или иначе было сосредоточено на отношениях с Южной Сун и Западным Ся. Чжурчжэни старались не заходить в Монголию. В результате монгольские

районы, которые раньше контролировались Ляо и пресекались ею малейшие попытки усиления здесь какой-либо власти, теперь оказались вакуумом. Это означало фактически, что значительная часть Монголии оказалась вне контроля со стороны оседлого государства, каковым являлась чжурчжэньская империя. Более того, чжурчжэнь же не были в состоянии осуществлять контроль над этими районами в той форме, какая была во времена Ляо и для сдерживания вынуждены были применять репрессивные меры. Цзиньский император Ши-цзун (1161–1189) как-то сказал: «Татары непременно явятся бедствием для нашего государства!». Фактически начала осуществляться политика геноцида под циничным наименованием «сокращение численности совершеннолетних». Монгольские народы оказались перед угрозой истребления. По слухам, эта агрессия началась после того, как какой-то гадалка предсказал чжурчжэньскому императору гибель его державы от кочевников.

Кочевники, возглавляемые Чингисханом, вынуждены были «мстить». Это нашло внешнее проявление в том, что кочевники «обрушились» на Китай. Как в Европе, когда средиземноморская Римская империя начала теснить германцев, и они пошли на Рим, так и здесь монголы пришли на юг. Конечно, в обоих случаях важны были и внутренние проблемы «варваров», но фактом является и то, что таким образом они отвечали и на медленное, ползучее, но неуклонное продвижение на север оседлых народов.

В обоих случаях итогом этих битв стало катастрофообразное соединение двух зон, сложное и проблемное взаимоотношение между которыми осуществлялось уже не одну сотню лет. В обоих случаях был нанесен смертельный удар по южным империям, а «варвары» смогли создать свои империи: в Европе – Каролинги, Священная Римская империя, в Восточной Азии – Ляо, Цзинь, Юань, а потом и маньчжурская династия Цин.

В Восточной Азии мы имеем дело с уникальным опытом взаимодействия двух хозяйственных зон. Кочевая зона – почти чисто аграрная. Здесь город присутствует минимально и потому слаб. Следовательно, существует эффект отсталости, когда кочевники «опаздывают» на тысячу лет. Даже после империи Юань и фактически до сих пор города здесь представляют собой архипелаг.

«Цивилизация» же понятие оседлое и городское. Именно здесь город играет важнейшую роль, даже в «темные века» средневековья существует система замков. Замок – уже не деревня, хотя и не классический еще город. Это переходная для аграрной экономики форма, причем для экономики аграрно-земледельческой. Пастбищам мешают дороги, они рвут пространство. Полям большие города тоже не нужны и все же земледелие нуждается в торговле больше, чем скотоводство. Пастбище предельно автономное, а деревня ведомая. Она производит продукты не только для себя, но и на рынок, а сама нуждается в городских товарах и инструментах. По этой причине «городской архипелаг» в оседлой зоне более плотен и обширен. И «цивилизация» здесь возникает раньше, и необходимость в механизме, распределяющем продукты («феодалная лестница») все время растет. Именно из этого регулирующего и распределительного механизма и вырастает государство, которое быстро приобретает и массу иных функций.

Характер развития кочевниковедения на данном этапе и специфика вновь поднимаемых необходимых и перспективных в научном отношении тем позволяют говорить о необходимости признания нового подхода к истории кочевников, основные контуры которого уже складываются.

На данном этапе развития истории как науки наблюдается своеобразный методологический вакуум, фактическое отсутствие адекватных и перспективных макроисторических и макросоциологических концепций, которые могли бы оценить такой специфический исторический материал. Естественно, что в условиях, когда к материалу нельзя идти «сверху», остается только один путь – исходить из самого материала.

Необходимо сразу подчеркнуть, что он является предельно дисперсным, раздробленным, обусловленным рядом разнохарактерных требований к нему. Это не теоретическая, а практическая методология, хотя они и неизбежно переплетены. Иначе говоря, идеи, лежащие в основе практических исследований, должны выдвигаться на основе практического изучения, а не быть взятыми из какой-либо идеологии или философии, хотя и с привлечением все же той общенаучной терминологии, которая была выработана в Европе.

Этот подход должен быть научным, а не идеологическим. Казалось бы, избитая мысль, более того, мы уверены в том, что именно с позиций науки и занимаемся изучением конкретной истории. Однако именно последние десятилетия показывают, что историческую науку активно используют чаще всего для обоснования тех или иных идеологий или этнополитических взглядов. Максимальная деидеологизированность и использование строго научных методов работы с фактическим материалом, сформировавшихся в истории, политологии, социологии – единственно возможная парадигма такого рода исследования.

Здесь важно рассматривать все явления и процессы в историческом плане, как не только проявление какой-то универсальной, общечеловеческой тенденции, но и порождение специфической исторической ситуации.

Предельно необходим своего рода апофатический или отрицающий подход. Он будет успешным к тому же только в том случае, если исследователь максимально дистанцируется и от таких неизбежных спутников любого человека, как оседлоцентризм, номадоцентризм, европоцентризм, азицентризм, китацентризм и т.п. Необходимо максимально отказываться от дихотомийного принципа: оседлые – кочевые, Восток – Запад, Китай – кочевники, богатые – бедные, прогресс – регресс, положительное значение (роль) – отрицательное. Разумеется, все эти дихотомии в том или ином масштабе присутствуют в истории, но превращение их в системообразующие приводит к существенному или даже сущностному искажению картины истории. Чаще всего такие призывы не воспринимаются всерьез, однако именно эти стереотипы до сих пор являются методологической основой многих исследований. Очень часто в условиях ослабления позиций тех или иных методологий мезоуровня, например, марксизма или христианства, в наступление на освободившееся место переходят и существенно усиливают свое мировоззренческое значение европоцентризм и оседлоцентризм.

Общемировоззренческие принципы являются основой любой методологии. Если мы исходим из оседло- или номадоцентризма, этноцентризма, идеализма или материализма, то будут выстраиваться и разные картины истории. Они обязательно будут логически строго выверены, выстроены высокопрофессионально и проиллюстрированы обильным количеством фактов. С профессиональной точки зрения они, по сути, безупречны и непоколебимы. «Ахиллесова пята» их находится в мировоззренческой плоскости. Сказываются, разумеется, и чисто практические нужды, и конъюнктурные соображения. Иначе говоря, сказывается социокультурная и этнополитическая принадлежность исследователя, то, с чем он чаще всего и не видит необходимости «выяснять отношения».

Сам по себе оседлоцентристский подход не является «правильным» или «неправильным», как не является таковым его визави – номадоцентризм. Он создал очень мощную историографическую традицию, позволявшую на протяжении длинного ряда тысячелетий выстраивать эффективную политику противостояния кочевникам, которые до такой степени осмысления своей истории, надо признать, не поднялись. Благодаря работам исследователей на протяжении последних двух столетий он был научно и концептуально оформлен. Мне кажется, именно выход на эту финитную стадию и позволяет не просто «бороться» с ним, а сформировать параллельно ему или даже в чем-то в противовес качественно иное отношение к кочевникам, их истории и культуре, не скатываясь на позиции только номадоцентризма. В конце концов, речь идет не об «оправдании» скотоводства или земледелия как таковых, а об объективном отношении именно к цивилизации кочевников, в данном случае, преимущественно тюрко-монгольской.

Методология должна носить рабочий характер и быть предназначенной именно для решения специфического комплекса проблем, связанного с кочевниковедением в целом. Это, понятно, не означает, что она должна основываться на какой-либо очередной «плодотворной» общемировоззренческой идее. По крайней мере, в настоящее время трудно рассматривать совокупно оседлые и кочевые народы в истории через призму неких общечеловеческих ценностей, но и номадоцентризм как антитеза оседлоцентризму здесь абсолютно не подойдет. С другой стороны, свести такой рабочий подход к сумме неких специфических методов физически невозможно. Пусть историологический инструментарий создан и эффективно апробирован на материале классических оседлых народов, альтернативы ему нет. Для понимания кочевников также необходимо чтение источников из разных времен и народов,

Центральным здесь является понятие «цивилизации», которое в настоящее время имеет два основных значения – стадияльное и локальное.

Оседлые народы в соответствии с этим подходом, равно как с обыденным представлением, значительно оторвались в своем развитии от кочевников и достигли весьма высокого уровня. Однако и то «плато», на котором они находились, существовало почти без изменений на протяжении нескольких тысяч лет. Это есть так называемый «исторический период», т.е. время существования крупных государств имперского типа (Китай, Средиземноморье, Византия, средневековые европейские империи и др.). Кочевники же остались на стадии

догосударственного развития и так и не смогли подняться выше. Их «квазигосударства» есть лишь обезьяна оседлых этатических конструкций и механизмы эксплуатации оседлого мира.

Это обусловлено, прежде всего, тем, что кочевниковедение – самая специфическая сфера исторического знания. Само понятие «история» родилось в оседлом мире и там показало всю свою эффективность. Оттуда же родом и такие термины, как «цивилизация», «культура», более узкие – «империя», «государство». А в кочевом мире они в своем классическом виде не работают. Уже одно это порождает желание вывести кочевников за скобки «человечества» вообще. Между тем, уже средневековые авторы признавали кочевые народы «варварами» как постепенно переходящими на стадию цивилизации через «примитивное» и неосознанное копирование оседлых институтов и понятий. При этом, с их точки зрения, шло «извращение», создавались «квазигосударства». Иначе говоря, уже в то время активно использовался цивилизационный подход и применялся, в том числе, и для анализа развития кочевых народов.

Как тогда, так и сейчас цивилизационный подход используется, прежде всего, по горизонтали, т.е. в компаративистском ключе. Сравняются разные зоны Евразии, в том числе и кочевая. Остается лишь признать, что «кочевой архипелаг» такая же цивилизационная зона, «*Pax Nomadica*». Именно в этом плане наука должна максимально уходить от своей публицистичности, от предпочтения какой-то одной цивилизации, через которую прочитываются все остальные. Необходимо сформулировать общие критерии «цивилизованности», общую модель цивилизации. Цивилизационный подход более значим для изучения всеобщей истории, чем формационный для Европы. Пока же он выступает чаще всего лишь как средство примирения разъяренных цивилизаций.

При решении универсальных проблем истории всегда необходимо помнить, что сами по себе конкретные факты, взятые из материала одной цивилизации, редко совпадают с конкретикой другой цивилизации. Если мы изучаем, например, восточное общество, сравнивая его с западным, которое является для нас наиболее изученным и соответственно волей-неволей эталонным, то очень быстро появляется уверенность в том, что мы имеем дело не с цивилизацией, и, в лучшем случае, с чем-то «примитивным». То же самое можно сказать о сравнении кочевого общества с оседлым. Однако если мы априори не будем отказывать Востоку или Степи в цивилизованности, то легче убедимся в том, что мы имеем дело с частным проявлением общего и закономерного.

Сама история логики научного исследования подводит нас к этому. До XX в. развитие научной мысли шло по традиционному пути. В рамках традиционного общества применялся этнополитический подход, когда кочевники рассматривались как соседи, поведение которых чаще всего было непредсказуемым и агрессивным. В Новое время возобладали формационный подход, в рамках которого кочевникам вообще не находилось места в хозяйственном развитии человечества. Их стали именовать «трутнями», «бомжами», роющимися на «помойках цивилизаций». На данном этапе цивилизационный подход все же позволяет выяснить их креативную роль в истории, т.е. некую пользу для развития человечества. Пусть

так, с этой ступени будет легче прийти к признанию их самобытности. Эта задача не только научная, но и цивилизационная. Давно пора вывести из тени т.н. кочевые народы, показать, что у них были не только сила, войны, склоки, но и высокая и уникальная культура.

Из глубины веков, что в Европе, что на востоке Азии, идет утверждение об «отсталости» «варваров», которым самой логикой истории предназначено переходить на «магистральный путь развития всего человечества». Стоит, наконец, понять, что они в силу своей экономики и ментальности сами не идут в «цивилизацию» и не претендуют на ее территорию. Это цивилизация в виде городской экономики и торговли приходит в аграрный сектор. Сначала город подчиняет и максимально растворяет деревню, ассимилирует ее культуру. Только деревня находится в оседлой зоне, и потому нет внешнего эффекта уничтожения целой цивилизации. Кочевники же гибнут уже под натиском государства. Аграрии в этом плане уникальны, а кочевники аномальны, но и те, и другие рано или поздно поглощаются городской цивилизацией. У крестьян это происходит раньше, хотя хронологически уход скотоводства и земледелия как аграрных занятий происходит практически одновременно, в начале второй половины прошлого тысячелетия. К этому времени усиливается натиск на их земли, и они вынуждены более ожесточенно обороняться. И полей, и пастбищ уже недостаточно для нормального существования, необходимо усиление связей между отдельными районами и начинают появляться достаточно большие государства (кочевые империи).

Кочевая цивилизация связана с землей, и она уходит как «феодализм», т.е. аграрное общество. Феодализм свергается революциями, а кочевники разбиты извне, ибо внутри их общества еще существовали возможности развития в сколь-нибудь обозримом будущем. Их земля, элементарно говоря, понадобилась для существования оседлых сообществ.

В целом же кочевая цивилизация существовала столько же, сколько и оседлая деревня. Это городу как центру экономической жизни всего тысяча лет.

Надо перестать «читать» историю с помощью того ограниченного набора глагольных форм, которые понятны и простительны в контексте информационных войн или в сказках: нападать, грабить, угнетать, захватывать, завоевывать, обороняться и т.п. Реальная история есть грандиозная мистерия с невероятным количеством действующих сил. Это внешне клубок, броуновское движение. Любой «исторический источник» дает лишь собственную интерпретацию событий и процессов, далеко не однозначную и небыстречную. Понять логику этого можно только отказавшись от стереотипов и «интересов», понимая, что в данном «спектакле» все «актеры» «одновременно правы и неправы», обладают своей «правдой». Любая иерархия фактов, исходящая из представлений о некоей чьей-то недоразвитости или ущербности, есть просто выдумка, наивное или подлое рассуждение, в крайнем случае, всего лишь интеллектуальное упражнение и развлечение. Наивными или непродуманными могут быть поступки людей, но не работы исследователей, их изучающих. Непродуманность и использование вульгарно-бытовых штампов не меньший грех для исследователя, чем корыстные цели или стремление создать

себе репутацию с помощью тех идей, которых ждет от него обыватель, читающий перед сном занимательный или пошлый «исторический» роман.

Объяснять историю стран Востока и, тем более, кочевников, с помощью терминологии, разработанной на материале западноевропейской истории, стало сложнее, однако это не только возможно, но и неизбежно.

Феодализм нигде и никогда не был локальным или региональным. Можно не называть его формацией и искать только в Европе, но если это слово оставить за этапом развития всего человечества, когда на первый план выходит земля (аграрная цивилизация), то воспринимать это надо как универсальный, общечеловеческий строй.

Эффективность европейской модели связана с тем, что в ней максимально отчетливо видны универсальные черты, присущие любой другой цивилизации, и специфические. Это позволяет назвать ее моделью и использовать в качестве таковой.

В применении к исторической науке это означает, что любая цивилизация, но в значительной степени и цивилизационная зона как зачаточное ядро будущей цивилизации, должна иметь два уровня построения: универсальные и специфические черты.

Таким образом, использование европейской модели дает максимальную возможность определить характер и уровень развития того или иного метарегиона. Цивилизация и цивилизационная зона в данном случае будут отличаться только масштабом. Примерно так отличаются ребенок и взрослый человек.

Здесь важна еще одна методологическая проблема. Традиционно принято делить любую историографию на донаучный и научный период. Это деление имеет европейское происхождение, берет начало с эпохи Возрождения и становления нововременной науки. Именно тогда в экономике и обществе происходил процесс десаκραлизации и бывший «христианский мир» встал на путь научно-технического прогресса. Но в истории, как известно, «швов» не бывает, поэтому нельзя недооценивать тот объем информации, который накоплен в доньютонову эпоху. Праздностью средневековые историки никогда не отличались, и китайские в этом плане не исключение. Можно говорить о кумулятивном характере развития процесса познания окружающего мира человечеством. К тому же, если исторические и политические деятели могли в какой-то мере дистанцироваться от той или иной религиозно-философской системы, то перестать быть представителями определенной цивилизации они в принципе не могли. Это, собственно говоря, и демонстрируют так называемые европейская, китайская и другие историографические традиции. Менялись цели исторического исследования, его характер и методы, но обязательно сохранялась преемственность.

Тексты этого периода, описывающие кочевников и их общество, на самом деле были написаны после исчезновения кочевой цивилизации, хотя часто и на основе в той или иной мере легенд и тех записей, которые велись представителями самих кочевников. Однако эти записи дошли до нас не полностью, что и позволяет назвать их классическую культуру безмолвствующей. Например, и «Ляо ши», и «Цидань го чжи» – это тексты не самих киданей, а о киданях. В этом плане

называть их письменными источниками в реальности можно лишь условно, они скорее являются фактом историографии. Понятие «письменные источники» в данном случае нельзя игнорировать, поскольку эти тексты все же принципиально отличаются от текстов нововременных, для которых характерно преимущественно изучение киданей с позиций не столько религии или иной идеологии, сколько науки. Средневековые тексты написаны людьми, находящимися в принципе на той же стадии развития (традиционное общество), что и кидани. В них отражена фактически та же ментальность, что была присуща во многом и кочевникам или оседлым людям несколько более раннего времени. Мы, разумеется, можем брать из них какие-то факты, но не надо забывать, что сам подбор этих фактов, их сведение в единый текст осуществлены не киданями и потому представляют взгляд не самих киданей, а их соседей.

Стоит добавить, что воспринимать любые средневековые тексты лишь как источники необходимой нам информации, – значит игнорировать взгляд их авторов на историю. Е Лунли или Абульгази-хан – такие же исследователи, как и наши современники, только у них, может быть, несколько иные задачи и методы исследования. И в этом можно увидеть влияние и следствие оседлоцентризма, европоцентризма, китаецентризма. Так часто делают не только европейцы, но китайцы или современные потомки кочевников. Мы понимаем, что они располагали наибольшей массой информации (не вся еще погибла на тот момент) и именно у них мы можем ее максимально найти, но мы должны рассматривать их и как исследователей, прежде всего (у которых, к тому же, было больше возможностей, чем у нас). Работа этих авторов особо значима, так как они первыми реконструировали историю киданей, создали «скелет». Часто последующим поколениям и этого хватает, но все же реконструкция XIII–XVI вв. – не весь «человек». Собственно историография может быть начата с нововременной эпохи, когда люди во многом уже иной культуры и ментальности пытаются понять кочевой феномен.

Методологически эта проблематика тесно связана еще с некоторыми методологическими дискурсами, в частности, с рассуждением о соотношении в истории и культуре «своих», «чужих» и «иных». Всегда выделяются особо авторитетные тексты (династийные истории, «священные тексты»), которые сосредоточены на создании имиджа «своих», который бы работал, прежде всего, в создаваемом ими собственном «мире». Остальные народы прочитываются через свою культуру, и во многом через этот имидж.

В отношении «иных» априори было стремление вывести их за скобки культуры. Кочевники в принципе не могли быть «чужими», т.е. носителями иной истины. Во-первых, двух истин не бывает, есть только одна и люди принимают ее или не принимают. Во-вторых, где бы они не жили, с какой бы истиной не имели дело, они ее не принимают вообще, в любой конфигурации или интерпретации. Кочевники – «иные». Это одна из основных предпосылок выделения их вообще из состава «человечества». При этом не имеет значения, что по численности они не меньше оседлых.

Необходимо реконструировать парадигму кочевников. Это сейчас мы понимаем, что она аналогична оседлым парадигмам. Так же есть два мира, естественный

и сверхъестественный, выполнение сверхъестественной воли. Кочевники еще раньше и решительнее, чем оседлые выступили против «поисков» истины и требовали выполнения того, что дано свыше. И у них есть строительство оптимальной и вечной социокультурной модели. И у них есть все возрастающий акцент на внутренних проблемах. Сначала кочевые общества, как и оседлые, практикуют внешнюю экспансию в виде переселений или набегов, но стадии империи, собственно уже у хунну, идет структурирование пространства и складывается свое понимание культуры и того, каким должен быть «правильный мир». Есть у них и своя мировая религия на базе синкретизма как отражения кочевой демократии. Их монархическая структура подобна монархиям оседлых государств. Есть свое представление о харизме правителя, акцент на семье, отцовстве и сыновстве, этико-социальные рецепты, аналогичные заповедям, верность как соблюдение традиций, акцент на этатизме в понимании «истории». И у них подчеркивается особая роль в истории общества человека. Они постоянно апеллируют к «древности», но чаще не к «древней» модели, как, скажем, в Китае, а к «духу отцов». Это акцент на идеях, заповедях, а не конструкциях. В этом плане их, может быть, даже более гибкая, чем, например, европейская, которая ищет образец для подражания либо за пределами своей зоны, либо в своей собственной «античности». Их культура не менее «агрессивна» в цивилизационном отношении, ибо они видят весь мир «от рассвета до заката». Они и не менее «любопытны», ибо понимают, что без подпитки извне существовать не могут. Они активно заимствуют чужие культурные достижения, но одновременно их и «искажают», т.е. фильтруют и интерпретируют в соответствии со своей парадигмой. Наконец, сами кочевники были враждебны по отношению к оседлым, якобы из зависти, и это позволяло оседлым народам максимально дистанцироваться от них. На самом деле, у кочевников есть понимание того, что в чистом виде кочевое хозяйство существовать не может, и они выступают за активное общение с оседлым миром. Просто, оседлые люди, как, впрочем, и кочевники, чаще запоминают обмен ударами, а не дарами.

История и культура кочевников удивительно уязвимы для разного рода стереотипов и, прежде всего, для понимания их, как неких недоразвитых существ, почти животных, неспособных даже на примитивное культурное строительство. Давно уже отмечено, что в истории человечества идут параллельно два процесса. Растет численность населения, люди сосредоточиваются в большом количестве в отдельных местах, меняется социальная структура, иницируются новые социальные процессы и создаются новые социальные институты. Одновременно люди развиваются духовно, осваивают мир и лучше понимают себя, создают новую культуру. В отношении же кочевников получается, что часть человечества, и немалая, как бы остановилась и в том, и в другом развитии. Они убивают друг друга и тем самым решают многие проблемы. Это и «недоразвитость» их природы не требуют от них духовности, и стимулирует их развитие по криминальному варианту.

Вероятно, одной из причин такого стереотипа является разное отношение кочевников и оседлых народов к миру. Оседлые народы создают искусственную картину мира, своего рода проект его развития. Они «строят» мир в соответствии со своей базовой парадигмой и тем самым изменяют этот мир. Кочевники же встра-

иваются в ритмы этого мира и не ставят перед собой такой задачи в принципе. «Конец света» может быть только у оседлых народов, кочевник мыслит свое существование бесконечно долгим и неизменным. Быть может, это дает для кого-то достаточное основание рассматривать их в качестве чего-то вроде «родственников» животных. Им не нужна «техническая» (искусственная) картина мира, их описание мира конкретно и предельно реалистично, лишено неизбежной для оседлых людей его идеализации. Они не подгоняют ради переспективных и «прогрессивных» целей свое знание под информационные и бытовые стандарты, оно у них более естественное и реалистичное.

Есть смысл еще с одной стороны посмотреть на термин «седентаризация». Он появился в свое время в медицинской сфере и означал малоподвижный образ жизни. В русской литературе чаще используется его синоним «гиподинамия». Постепенно он, как и многие другие слова из естественных и даже точных наук, проник в гуманитарную сферу. Окончательно «прижился» он в истории и до сих пор применяется по отношению к кочевникам, означая процесс оседания их на землю. Получилось так, что в отношении многих людей (кочевников) использовался термин «седентаризация», в отношении одного человека – «гиподинамия».

Это слово из научного обихода уже не уберешь, как и многие другие, каким бы ни было их происхождение, ничего общего не имеющее с современной наукой («средние века», «возрождение», «варвары»). Нам, так или иначе, приходится его употреблять, но изучение истории не стоит на месте и очень многие слова приобретают в результате этого процесса все новые и новые значения. То же самое стоит сказать и о данном термине. Понятно, что изначальное буквальное его толкование уже забыто окончательно, но трактовка «оседание на землю» еще может быть использована.

Что значит «оседание»? Понятно, что это не гигантский «прыжок с коня на грядки», не переход от скотоводства к садово-огородному хозяйству. Это переход от динамичного образа жизни к оседлому, но ведь в оседлом хозяйстве может быть немалый удельный вес животноводства, а в скотоводческом пространстве могут существовать земледельческие зоны и города.

Основой «оседания» является переход к жизни в рамках определенного земельного пространства. Крестьяне работают на больших полях, многие средневековые города владели полями на десятках и даже сотнях километров. Здесь же были и пастбища. Крестьяне просто не выходили за пределы этого ограниченно-го пространства, но ведь и кочевники Восточной Азии, прежде всего Монголии и Южной Сибири, тоже кочевали в пределах ограниченных зон. Отсюда и наименования типа «киданьская земля», «земля найманов» и т.п. Не есть ли это тоже своего рода оседание на землю?! Здесь же тоже речь идет об использовании определенных участков земли. Иначе говоря, не стоит ли ввести еще одно расширение толкования термина «седентаризация» в виде обозначения привязки к определенной территории. Если речь идет об аграрной экономике в целом, то почему нужно говорить только об одной ее сфере? Обе сферы представляют собой комплексное хозяйство, только в одной доминирует земледелие (оно в «числителе» некоей дроби), а в другой скотоводство. В «чистом» виде обе эти

сферы никогда не существовали. Человек и животное уже как минимум миллион лет идут вместе по планете.

Есть некоторого рода опасности, которые таит в себе компаративистский подход. Мы можем сравнивать какие-либо этнополитические или, даже, экономические и культурные процессы в Европе и в Восточной Азии, и исходить при этом из того, что в обеих зонах наблюдается примерно одинаковый уровень цивилизационного развития. Хотя этот фактор, безусловно, необходимо учитывать в исследовании, не следует забывать и о том, что мы при этом вольно или невольно опираемся на европоцентристский подход, иначе говоря, мы «прочитываем» восточноазиатскую историю через европейские модели, давно уже сформированные в исследовательской практике и показавшие свою эффективность в решении проблем традиционного общества в Европе. К тому же в обоих случаях, северные соседи могущественных империй именуется «варварами» и играют существенную роль в своем метарегионе. Соответственно появляется большой соблазн применить исследовательские технологии и концепции, разработанные на европейском материале, к азиатской истории и, в итоге, не учесть существенные различия двух зон.

В Европе «валентность» «имперской» и «варварской» зон, т.е. тяготение друг к другу, их связанность больше, ибо на севере уже в первом тысячелетии до н. э. активно шла седентаризация и «чистых» кочевников не было. Не менее активно шли двумя волнами варваризация римской империи, т.е. инфильтрация кельтов и германцев во внутренние районы, и христианизация всего субконтинента, хотя первоначально и в разных формах (римская и византийская «ортодоксии» и «ереси»).

По этим причинам конвергенция двух зон, хотя и происходила порой катастрофобразно (падение Западной Римской империи), происходила достаточно быстро и в первом тысячелетии н. э. завершилась. В последующие столетия происходило развитие «феодализма» и «капитализма» как общеевропейских процессов.

В Восточной Азии вплоть до недавнего времени проблемно сосуществовали две диаметрально разных экономики – скотоводство и земледелие. Здесь долго сохранялись «чистые» кочевники, далеко и внешне беспорядочно кочевавшие. Столь же интенсивной, как в Европе, варваризации здесь не было, скорее, наоборот, более существенной была синизация, тоже по своим масштабам отличавшаяся от европейской романизации и латинизации. Иначе говоря, здесь «юг», нуждающийся в земле, всегда неуклонно продвигался на «север», а не наоборот.

Здесь до сих пор сохраняются сущностные языковые различия. В Китае налицо развитый письменный язык, литература, на Севере – бесписьменные культуры. Импульс к развитию письменности придадут киданей, а потом этот процесс будет активно идти у чжурчжэней и особенно монголов. Однако, это в свою очередь лишь усилит водораздел между письменностями. Монгольский и китайский языки не слились, а в Европе новые языки складывались как романо-германские. Языки Монголии, Якутии, Бурятии и всей Сибири предельно оригинальны. Здесь развито двуязычие, когда аборигены знают еще русский или другие языки, но не создают их симбиоз со своим и не жертвуют своим языком. Это явственный признак особой цивилизационной зоны.

В Европе формирование и развитие феодализма хорошо описывает синтезная теория, в соответствии с которой на континенте активно взаимодействуют два «начала» – романское и германское. В Восточной Азии этого не могло быть – на севере существовала очень специфичная экономика. Поэтому, если в Европе земледельческий феодализм «дитя двух родителей», то в Восточной Азии он развивался лишь на территории Китая. У «варваров» или в Западном Ся идет более медленное движение в этом направлении, хотя у тангутов и быстрее и они после монгольского завоевания быстрее станут частью Китая, а не Монголии.

Сторонники «германизма» еще в XVIII в. считали, что в Европе синтез двух начал, одновременно и двух рас, идет более успешно, если варвары более развиты. Однако складывание классической феодальной модели оказалось связано с «примитивными» франками, тогда как основная масса других расселившихся на просторах Римской империи «варваров» (готы, бургунды, вандалы, свевы и др.) лишь некоторое время существовали в качестве народов-элит и впоследствии уже оказались втянуты в процесс феодализации. Они вставали над обществом на покоренных территориях, тогда как франки производили инфильтрацию в свои регионы, сливались с местным населением. Даже франки, а тем более остальные «варвары» стали из-за длительного передвижения своего рода милитаристским обществом. Они фактически присвоили себе управленческие и оборонные функции, делали акцент на политической власти, войне и господстве над покоренным населением, которое их воспринимало лишь в качестве «оккупантов». Это предопределило менее заметное их участие в производстве и, соответственно, недолговечность существования их «варварских королевств».

В Восточной Азии в государствах киданей и чжурчжэней существовала сложная, комплексная экономика, хотя акцент на аномальном для региона в целом скотоводстве обусловил их автаркизованное существование. «Север» и «Юг» в Восточной Азии стали сливаться уже только в прошлом веке и здесь наибольшая «заслуга» именно у «Юга».

Литература

1. Воробьев М. В. Культура чжурчжэней и государства Цзинь (X в. – 1234 г.). Исторический очерк. М. : Наука, 1983. 367 с.
2. Воробьев М. В. Чжурчжэни и государство Цзинь (X в. – 1234 г.). М. : Наука, 1975. 451 с.
3. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения В. С. Таскина. М. : Наука, 1979. 613 с.
4. Кычанов Е. И. Очерк истории тангутского государства. М., 1968. 359 с.
5. Малавкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX–XII вв. Новосибирск: Сибирское отделение издательства «Наука», 1974. 215 с.
6. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. Введение, перевод и комментарий В. С. Таскина. М. : Наука, 1984. 487 с.
7. Wittfogel K.-A., Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao (907–1125) // Transactions of the American philosophical Society, new series-volume 36. Philadelphia, 1949. 752 p.

References

- Kychanov, E. I. (1968). *Ocherk istorii tangutskogo gosudarstva*. [Essay on the history of the Tangut state]. М. : Nauka. 359 p.

Maliavkin, A. G. (1974). *Materialy po istorii uigurov v IX–XII vv.* [Materials on the history of the Uyghurs in the IX–XII centuries]. Novosibirsk : Nauka. 215 p.

Materialy po istorii drevnikh kochevykh narodov gruppy dunkhu. Vvedenie, perevod i kommentarii. V. S. Taskina. [Materials on the history of the ancient nomadic peoples of the Donghu group. Introduction, translation and commentary by V. S. Taskin]. (1984). M. : Nauka. 487 p.

Vorob'ev, M. V. (1983). *Kul'tura chzhurchzenei i gosudarstva Tszin' (X v. – 1234 g.). Istoricheskii ocherk.* [The culture of the Jurchen and the state of Jin (10th Century – 1234). Historical essay]. M. : Nauka. 367 p.

Vorob'ev, M. V. (1975). *Chzhurchzheni i gosudarstvo Tszin' (X v. – 1234 g.).* [The Jurchen and the state of Jin]. M. : Nauka. 451 p.

Wittfogel, K.-A., Feng Chia-sheng. (1949). *History of Chinese Society Liao (907–1125).* In *Transactions of the American philosophical Society*. New series. Vol. 36. Philadelphia. 752 p.

Ye Longli. (1979). *Istoriia gosudarstva kidanei (Tsidan' go chzhi). Perevod s kitaiskogo, vvedenie, kommentarii i prilozheniia V. S. Taskina.* [History of the Khitan state (Qidan Guo Zhi). Translated from Chinese, introduction, commentary and annexes by V. S. Taskin]. M. : Nauka. 613 p.

The article was submitted on 7.10.2018